

Левинас и Хайдеггер: феномен смерти как иллюстрация различий в подходах к субъекту

Смирнов Никита Игоревич

Студент (магистр)

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,

Новосибирск, Россия

E-mail: detectivecolombo@gmail.com

Философия Левинаса большинством исследователей признаётся как анти-хайдеггерианская [5]. Его работы 40-ых и 60-ых годов направлены в основном на разработку собственной онтологии, в которой он попытается противопоставить её «властной и тотальной» фундаментальной онтологии Хайдеггера. Как известно, Хайдеггер претендовал на преодоление классической философской дихотомии «субъект-объект», предложив термин *Dasein* и описав его существование как «экстатически набрасывающее себя на возможности в мире» [1]. Тем не менее, Левинас считает, что та деструкция западной метафизики, которую Хайдеггер пытался осуществить, прошла мимо его собственной фундаментальной онтологии, оставив открытым вопрос о её принадлежности к той самой западной метафизике. Вследствие чего, Левинас для преодоления Хайдеггера предлагает, по его мнению, радикально иную картину философского дискурса, понимания этики и онтологии субъекта. Вопрос о принадлежности Левинаса какой бы то ни было философской традиции очень спорный. Одни [4] считают, что Левинас, в целом, работает в традиции феноменологии, причем как ранний, так и поздний, а другие [2] предполагают, что Левинас использует в своих работах идеи ещё догуссерлевской философии.

Главное, от чего отталкивался Левинас - это принципиальная антисистемность, исключающая возможность любого тотализирующего дискурса. Левинас категорично характеризует себя как антигегельянца и отказывается от любых нейтральных онтологических понятий, которые бы сводили инаковость к тождественности. Это ему не мешает пользоваться традиционным философским языком, поэтому многие понятия в его оптике нуждаются в уточнениях и интерпретациях. Феномен смерти является достаточно иллюстративным моментом, который наиболее ярко указывает способ понимания субъекта Левинасом, позволяя говорить об анти-хайдеггерианском подходе вообще. Можно выделить два главных пункта.

1. Левинас отвергает некое «возрождающее» значение смерти. Хайдеггер настаивал, что смерть открывается нам как «наиболее своя возможность» [1], поэтому *Dasein* становится способно открыть модус подлинного, собственного (*eigentliche, das Eigene*) бытия, то есть в каком-то смысле открыть себя. Для Левинаса смерть - это событие радикальной пассивности [6], когда субъект (которого Левинас называет ипостась, *l'hypostase*) ощущает свою неспособность справиться с этим феноменом. Именно в этом моменте проявляется знаменитая перестановка букв: если для Хайдеггера смерть - это «возможность невозможности» [экзистенции], то для Левинаса - это «невозможность возможности». Для преодоления «аффекта смерти» требуется помощь извне, и этой помощью является «онтологический» Другой (*autrui*), который открывает вместе с собой будущее, то есть спасает ипостась от пассивного одиночества и являет впервые себя, как того, «кто является как инаковость (*l'altérite*);», как то, что «ещё нет» [3].

2. Левинас также отвергает описанный Хайдеггером способ «возвращения в мир». По Хайдеггеру, в ситуации сильного ужаса у *Dasein* появляется решимость (*Entschlossenheit*), которая заключается именно в открытии собственного модуса существования, и которая позволяет отныне не просто существовать, а определять себя в этом мире, проектировать

подлинного себя, а не просто анонимное существо, как это происходит в *das Man*. Для Левинаса здесь снова важна фигура Другого: субъект сам не сможет вернуться к миру, если не «вручит себя в дар Другому» [3]. Отношения с Другим, позволяющие субъекту снова существовать, описываются Левинасом как «отношения с Учителем» [3], т.е. поскольку субъект в себе не может открыть измерение будущего, он должен поставить себя в подчинённое положение. Подчинение, однако, понимается Левинасом не в смысле абсолютного подчинения монарху, как у Гоббса, а подчинение, которое сохраняет Другого в его инаковости, что позволяет субъекту самому претерпевать радикальную трансформацию. Таким образом, Другой, открывая будущее, делает возможность изменения для субъекта, и именно это возвращает его в мир.

Если объединить два предыдущих пункта, то можно сказать в итоге, что для Хайдеггера онтология субъекта - это своего рода одиссея. Сначала мы отрываемся от себя (производим падение в мир, *Verfallen*), но потом, благодаря решимости, мы возвращаемся в мир как бы снова обретая «себя», которое мы в начале потеряли. Для Левинаса же ситуация ровно обратная: для него «быть собой» - это научиться «быть для других». Открыв для себя будущее, субъект уже никогда не вернётся к самому себе, потому что исчезнет любая возможность для какой-либо «центрации себя» [3]. В этом и заключается глубокое различие в подходах к субъекту, хотя катализатором для обретения себя и у Хайдеггера, и у Левинаса служит смерть.

Источники и литература

- 1) Хайдеггер М. Бытие и Время, пер. с нем. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997
- 2) Critchley S. *The Ethics of Deconstruction: Derrida and Levinas*. Edinburgh University Press, 1999
- 3) Levinas E. *Totality and Infinity: An Essay on Exteriority*, trans. Alphonso Lingis. Kluwer, 1991
- 4) Nuyen A.T. *Phenomenology of religion: Levinas and the fourth voice*. *International Journal for Philosophy of Religion* 49: 2001, pp. 19-31
- 5) *The Cambridge Companion to Levinas*, edited by S. Critchley and R. Bernasconi. Cambridge University Press, 2004
- 6) Wall T. C. *Radical Passivity: Levinas, Blanchot and Agamben*. State University of New York Press, 1999